

Глава 42. Брак?

С тех пор как Чэн Юй покинул столицу, Ду Янь, ссылаясь на недуг, не показывался на людях вот уже несколько месяцев.

Побег заложника из Империи Чэн ему всё же удалось обернуть в свою пользу: он убедил Императора Юань, будто зачинщиками всего были Юань Цзюэ и госпожа Хуэй, что именно их опрометчивость и стала причиной позора. Император и впрямь поверил, но, вопреки ожиданиям, не низверг обоих в простолюдины, а лишь заточил во дворе. Значит, чувства к госпоже Хуэй у него ещё не угасли.

Пока он сдержан лишь потому, что союз империй Цзян и Чэн внушает опасения, а полководцы, охраняющие границы, сейчас как никогда важны. Но как только положение на рубежах стабилизируется, Ду Янь, замешанный в этом деле, вполне может оказаться тем, на кого свалят всю вину.

Ду Янь не собирался давать Императору Юань такой удобный повод. Теперь, когда обстановка в стране выровнялась, он, разумеется, должен был выйти за пределы дворца, иначе, когда в столицу прибудет тайный посланник от Чэн Юя, связаться с ним станет крайне затруднительно.

Он выбрал подходящий день, чтобы показаться на людях и заодно посмотреть, не попадётся ли ему крупная рыба. Единственным осложнением стала Юань Нин, которая решила сопровождать его. Девушка всерьёз беспокоилась о здоровье своей старшей сестрицы а-цзе, которая только-только пошла на поправку, и настояла на том, чтобы пойти вместе.

Ду Янь, взяв с собой эту заботливую мэймэй, конечно, не питал иллюзий, будто хрупкая и милая девица и впрямь способна приглядеть за ним. Скорее, приятно было иметь при себе собеседницу, чтобы скоротать скуку во время выхода.

Они с Юань Нин уселись на верхнем этаже таверны, откуда открывался вид на представление внизу: пение, пляски, людская толчея. Прошло уже немало времени с тех пор, как он в последний раз видел столь оживлённую улицу, и всё это, после затворничества, казалось почти внове.

Увидев, как Ду Янь с интересом вглядывается в происходящее, Юань Нин негромко сказала:

— А-цзе, ты ведь давно не выходила. Совсем недавно улицы были пустынные, в каждом доме окна и двери наглухо заперты. Все боялись, что империи Цзян и Чэн вот-вот ударят по столице.

Ду Янь ответил спокойно:

— Это как раз пришлось на то время, когда дед собирался возвращаться с границы, не так ли?

— Да, — кивнула Юань Нин. — А господин Юй ... то есть теперь уже Император Чэн, поступил слишком жестоко. Взошёл на престол и первым делом объявил миру, будто в Империи Юань его унижали и притесняли. Хоть ты ведь была к нему так добра, а-цзе...

Ду Янь удивлённо взглянул на неё:

— С чего ты взяла, что я была добра к нему?

— А-цзе, ты же всегда одно говоришь, а другое имеешь в виду.

Юань Нин бросила на него недоверчивый взгляд, потом всерьёз начала загибать пальцы:

— Не разрешала Юань Цзюэ обижать Императора Чэна, водила его в академию, учила сражаться, таскала по всей столице есть, пить и веселиться...

Перечислив ещё пару пунктов, Юань Нин вдруг нахмурилась и убрала руки:

— Иногда я даже ревную. А-цзе, ты, кажется, больше заботишься о нём, чем обо мне...

—

Ду Янь на миг опешил. Он и сам не знал, как это опровергнуть. Интриги, расчёты и великая тайн , что скрывалось за их отношениями, нельзя было сейчас открыть наивной Юань Нин.

Он помолчал, а потом, собравшись, сказал:

— Я просто использовала Чэн Юя как слугу. Он делал то, что мне нравилось, вот я и привыкла держать его рядом.

Увидев, что Юань Нин всё ещё не убеждена, Ду Янь решил преподать ей жизненный урок. В конце концов, между двумя империями рано или поздно вспыхнет война.

Для народа Юань Чэн Юй — враг.

— Пока он жил в Империи Юань, у него не было ни нужды, ни голода, — сказал Ду Янь. — Но, как говорится, «благородного мужа можно убить, но нельзя унижить». После того как Чэн Юй взойшёл на трон, он вспомнил всё, что было тогда. Будучи наследным принцем, он выполнял всякую чёрную работу, словно раб. Потому теперь и считает, что над ним издевались, что его унизили. Если учесть всё это, то разрыв союза и заключение нового с Империей Цзян вовсе не выглядит таким уж необоснованным.

Юань Нин сначала согласно кивнула, но затем нахмурилась:

— Но ведь я думаю... Император Чэн делал всё это по доброй воле, ради а-цзе. Когда я услышала, что господин Юй стал императором, то была уверена, что он первым делом пришлёт сватов и принесёт щедрые дары, чтобы попросить руки а-цзе!

Если бы это не был древний мир во сне, Ду Янь точно отправил бы ей эмодзи с чёрным вопросительным знаком.

В этот миг Ду Янь внезапно понял, почему в исходной версии киноистории Юань Нин в итоге оказалась в таком жалком положении из-за Чэн Юя. Она была слишком наивна. словно героиня любовной драмы, забредшая на съёмочную площадку исторического фильма о дворцовых интригах и борьбе за власть.

Юань Нин заметила его странный, почти сочувственный взгляд и насторожилась:

— Я что-то не так сказала?

Ду Янь сжал переносицу пальцами:

— Оставим пока то, что император точно не даст согласия на такой брак. Но даже сам Чэн Юй... он станет усложнять себе жизнь и жениться на том, кто годами его унижал? Или, по-твоему, он мстит так дешево и пошло?

— — Юань Нин умолкла. Хотя она и понимала, что слова её а-цзе звучали разумно, сердце подсказывало иное, будто она всё же не ошибалась в своих ощущениях.

Она вспоминала, как при каждом упоминании имени Императора Чэн в глазах а-цзе пробегала тень тоски. И всё сильнее убеждалась в одном: её а-цзе, сколь бы умна ни была, в делах сердечных оставалась на редкость несмышлёной.

Видя, как Юань Нин погрузилась в раздумья, Ду Янь решил, что своей цели достиг, и больше не стал ничего говорить.

Ду Янь махнул рукой, велел Сяо Ман позвать официанта и принести ещё чаю.

Спустя пару минут на верхний этаж поднялся молодой служка с чайником в руках. Однако, дойдя до окна, он вдруг поскользнулся.

Поднос выскользнул из рук и с грохотом упал на пол. К счастью, это произошло в нескольких шагах от Ду Яня и Юань Нин и ни капли чая не долетело до них.

— Простите, благодетели! Сейчас всё уберу! — молодой человек поспешно склонился в извинительном поклоне.

Хотя во дворце Ду Янь слыл грубым и своенравным, на деле страдали от него лишь отпрыски знатных родов. За его пределами он редко усложнял жизнь простому люду.

Увидев случившееся, Ду Янь лишь лениво махнул рукой, давая понять, чтобы тот побыстрее всё убрал.

Скоро слуга закончил с уборкой и поспешно удалился. А вскоре на этаж поднялся и управляющий таверной.

Управляющий держал в руках поднос с угощениями и с извиняющимся видом проговорил:

— Благодетели, простите ради всего святого за случившееся. Сегодняшняя трапеза за счёт

заведения. А эти пирожные — наши новые фирменные, только недавно начали подавать. Позвольте вручить их вам в знак извинения.

Ду Янь взглянул на поднос и чуть заметно нахмурился:

— Ладно уж, ставь.

Управляющий аккуратно поставил угощения на стол, поклонился и поспешно ушёл.

Юань Нин с воодушевлением уставилась на пирожные. Выглядели они изысканно, одно краше другого. Она протянула руку к самому причудливому, что лежал сверху, но едва её пальцы коснулись угощения, как кто-то опередил её.

Ду Янь зажал пирожное между пальцами и, чуть улыбнувшись, сказал:

— Это как раз моё любимое. Нин-эр, попробуй что-нибудь другое.

Юань Нин лишь фыркнула, сморщив носик, и без обиды потянулась за следующим.

Ду Янь положил пирожное в рот и начал неторопливо разжёвывать, прислушиваясь к ощущениям. Как он и подозревал, что-то было не так. Он поднял чашку, прикрыл рот рукавом, будто собирался сделать глоток, но на деле незаметно сплюнул посторонний предмет в ладонь.

Когда управляющий ставил поднос, Ду Янь уже уловил странность. Он узнал это пирожное необычной формы, словно лепесток с завитком. Раньше ему такое готовил Чэн Юй, ещё во дворе. И форму для него тот вырезал сам — она была единственной в своём роде.

Вернувшись во дворец, Ду Янь извлёк то, что всё это время прятал в ладони.

Это была тонкая нефритовая трубочка, не толще мизинца — как раз такая, чтобы спрятать её внутри пирожного.

Он осторожно вынул из неё свернутый клочок бумаги. Написанное там полностью совпадало с его догадками:

«Завтра, в полдень. Павильон Тяньи в здании Цзюцай».

На следующий день, ровно в назначенное время, Ду Янь прибыл на встречу.

Здание Цзюцай с самого начала принадлежало Чэн Юю. Он и не пытался это скрыть, сразу всё рассказал Ду Яню. Тот лишь подумал, что Чэн Юй ищет покровительства, опасаясь последствий, если дело вдруг выйдет наружу.

Павильон Тяньи — это отдельная комната, куда Ду Янь всегда поднимался, приходя в Цзюцай. Обстановка внутри была оформлена с учётом его вкусов, всё до мельчайших деталей соответствовало его привычкам.

— Вы подождите снаружи. Я хочу немного побыть одна, — бросил он сопровождающим и шагнул внутрь.

Проведя немного времени в одиночестве и убедившись, что всё спокойно, Ду Янь поднялся и

подошёл к резной этажерке у стены. Осторожно протянув руку, он прижал один из декоративных элементов — полка тихо щёлкнула, и за ней открылась потайная дверь, ведущая в скрытую комнату.

Он был уверен, что кто-то там окажется. Но вот кто, оказалось полной неожиданностью.

— Чэн Юй?.. Почему ты? — произнёс Ду Янь, в его голосе прозвучали и удивление, и недоверие.

Чэн Юй чуть улыбнулся, подошёл и без спешки закрыл дверь тайной комнаты:

— А почему бы и нет?

— Император тайком проникает в столицу враждебной империи... Я даже не знаю, хвалить тебя за отвагу или ругать за безрассудство.

— Садись, — спокойно произнёс Чэн Юй, подведя Ду Яня к низкому столику. Затем сам сел напротив и поднял руку, чтобы налить ему чаю.

Ду Янь опустил взгляд на поданную чашку и спокойно произнёс:

— Ты теперь Император Чэн. Тебе незачем больше подавать мне чай и наливать воду.

Чэн Юй ответил:

— Принцесса, зови меня просто Чэн Юй. Перед тобой я всегда лишь Чэн Юй.

Ду Янь едва заметно приподнял бровь. Чэн Юй не назвал себя «гу» — не употребил царского «Я», а сказал просто и по-человечески. Похоже, в самом деле обладает достаточной широтой сердца, чтобы стать правителем и не держать зла за всё, что было прежде.

Ду Янь не стал вступать в пререкания и прямо спросил:

— Чэн Юй, зачем ты сюда приехал?

— Конечно, чтобы показать свою искренность. Принцесса ведь ждала меня, не так ли?

Ду Янь нахмурился, в его словах что-то казалось не так:

— Верно. Но ведь можно было просто прислать тайного посланника. Зачем рисковать лично?

— Мы с тобой собираемся замышлять великое дело, а времени в обрез. Обычный посланник не сможет передать всей моей искренности.

— Великое дело? И что же ты там надумал? Поделись своими догадками насчёт моих мыслей.

Чэн Юй знал, что Ду Янь не терпит пустых разговоров, потому заговорил прямо:

— Хотя кризис с семьёй У временно улажен, Император Юань — человек мелочный, злопамятный. Рано или поздно он всё равно ударит по роду У. И если У хотят выжить, у них

остаётся лишь два пути.

— Первый путь — возвести на трон сына императрицы из рода У, — Чэн Юй сделал паузу: — Увы, императрица родила лишь двух дочерей, так что этот путь изначально обречён. Принцесса, я прав?

Ду Янь не стал ничего комментировать:

— Продолжай.

— Тогда остаётся только второй путь, — сказал Чэн Юй. — Смена династии. Но захват трона — дело нелёгкое. Хотя семья У и держит в руках половину военной мощи Империи Юань, у неё нет законного основания. Даже если им удастся свергнуть династию Юань, это будет выглядеть как узурпация. В такой момент необходима внешняя сила. Сторона, которая даст этому легитимность.

В сердце Ду Яня что-то дрогнуло, ход мыслей Чэн Юя полностью совпадал с его собственными расчётами. Учитывая, что тот не знал о его истинной сущности, такие выводы выглядели вполне логично.

Если обе стороны смогут заключить союз, не раскрывая пока его тайну, это станет наилучшей стратегией. Возвращение к своей подлинной сущности — дело первостепенной важности, но время для этого должно быть выбрано верно: лишь после того, как ситуация в Империи Юань окончательно прояснится, а сейчас ещё слишком рано.

— И с чего мне верить тебе? — спокойно произнёс Ду Янь. — Даже если семья У сумеет сменить имя нации и назовёт империю своей, всё равно смена династии принесёт смуту. А в смуте тебе, конечно, будет удобно воспользоваться моментом и основать собственную империю.

Чэн Юй ничуть не обиделся на подозрения Ду Яня:

— У меня есть способ доказать свою искренность.

— Какой?

— Я ведь уже сказал, что пришёл с открытым сердцем.

С этими словами он извлёк из-за пазухи нефритовый кулон, который когда-то Ду Янь сам отдал ему в качестве знака.

Чэн Юй положил кулон на стол и мягко подвинул его к Ду Яню:

— «Ты мне поднёс папайю — я дарю тебе яшму. Не для отплаты, но чтобы дружба осталась навеки» (Книга песен). Союз — как обет. Я прошу руки принцессы из Империи Юань. Пока Империей Юй правлю я, войны между нашими государствами не будет.

— Брак?! Ты хочешь жениться на Юань Нин? — голос Ду Яня чуть сорвался, он резко выпрямился.

Чэн Юй на миг опешил, а затем не сдержался и рассмеялся. Он прикрыл лицо рукой, смех невольно прорвался сквозь пальцы. Только отсмеявшись, поднял голову и спокойно, но с теплом в голосе сказал:

— Принцесса, почему ты так решила? С самого начала и до конца — единственная, на ком я хотел жениться, это ты.

—

Эти слова ударили в сердце Ду Яня, как гром среди ясного неба.

<http://bllate.org/book/12445/1108040>